

ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ

© 1992 г. ВЛАДИМИР БУРЦЕВ И ЕГО КОРРЕСПОНДЕНТЫ

Вряд ли в мировой литературе есть более полярные образы, чем Дон Кихот и Шерлок Холмс. Владимира Бурцева современники сравнивали и с тем, и с другим. И действительно, в нем удивительным образом сочетались пронизательность и холодный аналитический ум с наивностью и беззаветностью в увлечениях, умеренные либерально-демократические воззрения с социалистическими мечтаниями и свирепыми призывами “по-желябовски” бороться с Николаем II, а позднее — с Лениным и Троцким, юношеский темперамент и ригоризм с внешностью “старой козы”. В течение своей долгой жизни Бурцев боролся с царизмом, большевизмом и нацизмом, был “объектом” “охранки”, Скотланд-Ярда, ГПУ и гестапо, “привлекался” при Александре III, королеве Виктории, Николае II, Ленине и Гитлере. Поразительная биография Бурцева лишь частично отражена в его мемуарах и не вполне удовлетворительно в справочных изданиях. Не претендуя на полноту изложения, остановлюсь на основных моментах политической и литературной “карьеры” Бурцева.

Владимир Львович Бурцев (1862—1942) начинал свою политическую деятельность как народоволец. “Я вырос на народовольческих дрожжах”, — повторял он не раз впоследствии. После ареста в 1885 г., и двух с половиной лет заключения в Петропавловской крепости был выслан в Иркутскую губернию. Из ссылки бежал за границу. В 1888—1905 и 1907—1914 гг. — в эмиграции. Не входя ни в одну из партий, пытался объединить эмиграцию на идеях конституционализма, причем главным средством достижения политической свободы в российских условиях считал индивидуальный террор. За пропаганду террора был приговорен в Англии к 18 месяцам каторжных работ, высылался из Франции и Швейцарии. В эмиграции издавал газеты “Свободная Россия” (Женева, 1889, совместно с В. К. Дебогорием-Мокриевичем), “Общее дело” (Париж, 1909—1910), “Будущее” (Париж, 1911 — 1914), журналы “Народовец” (Лондон, 1897; Женева, 1903) и “Былое” (Лондон, Женева, 1900—1904; Париж, 1908—1913). Выпустил также несколько публицистических сборников — “Долой царя!” (Лондон, 1901), “К оружию!” (Лондон, 1903), “Да здравствует „Народная воля!“” (Париж, 1907), на страницах которых призывал к возрождению народовольчества.

Неудивительно, что ортодоксально-народовольческие взгляды Бурцева привели его к политической изоляции. Однако, оставшись в политической сфере, по меткому и злому выражению В. М. Чернова, человеком “до всего побочным”, Бурцев преуспел на другом поприще — изучении истории революционного движения. Им был подготовлен монументальный справочник по истории революционного движения “За сто лет” (Лондон, 1897); он стал основателем первого отечественного историко-революционного журнала “Былое”. В 1906—1907 гг. Бурцев вместе с В. Я. Богучарским и П. Е. Щеголевым редактировал одноименный журнал, выходивший в Петербурге и завоевавший всероссийскую популярность. Издал ценные сборники секретных правительственных документов — “Царский листок. Доклады министра внутренних дел Николаю II за 1897 год” (Париж, 1909) и “Царь и внешняя политика. Виновники русско-японской войны. По тайным документам: Записке гр. Ламсдорфа и Малиновой книге” (Берлин, 1910).

Но подлинно европейская известность пришла к Бурцеву после разоблачения им. “великого провокатора” Е. Азефа, а затем и целого вывода провокаторов в различных партиях — З. Жученко, Я. Житомирского, И. Каплинского и др. Бурцев основал в Париже своеобразное революционное сыскное бюро, к услугам или посредничеству которого прибегали деятели самых разных направлений, включая В. И. Ленина и Ф. Э. Дзержинского¹.

С началом первой мировой войны Бурцев занял оборонческую позицию и вернулся в Россию, заранее объявив о своем возвращении в многочисленных интервью. Однако политическая позиция

не спасла личного врага Николая II от ареста на границе. Он был препровожден в Петропавловскую крепость, а затем приговорен к ссылке в Сибирь (защищали его А. Ф. Керенский и В. А. Маклаков). В Сибири Бурцев пробыл недолго. По ходатайству французского правительства его амнистировали.

Бурцев горячо приветствовал Февральскую революцию. После июльских событий он стал одним из застрельщиков антибольшевистской кампании. Бурцев писал о большевиках: “Это — бывшие наши товарищи. Теперь они, пользуясь тем критическим положением, в котором находится вся страна благодаря войне, являются ее врагами и ради успеха своего доктринерства и своей демагогии решили довести до конца свои задачи, хотя бы для этого нужно было поставить на карту судьбу всей страны”. Он считал, что в июльские дни “Ленин с товарищами обошлись нам не меньше хорошей чумы или холеры”².

Особенно доставалось от Бурцева А. М. Горькому, которого он обвинил в покровительстве большевикам. Впрочем, резкая полемика между Бурцевым и Горьким в июле не помешала Сталину уже в октябре поставить их на одну доску, причислив Горького к перепуганным интеллигентским неврастеникам, дезертирующим “из рядов революции в черную рать Бурцевых — Сувориных”³. На страницах своей газеты “Общее дело” Бурцев впервые опубликовал список фамилий 159 эмигрантов, вернувшихся в Россию через территорию Германии. Однако его утверждения о связи большевиков с германским командованием остались скорее на уровне логических умозаключений, не будучи подтверждены документально. Бурцев выступал в поддержку генерала Л. Г. Корнилова, критиковал за нерешительность Временное правительство и персонально А. Ф. Керенского, которому предлагал повиниться перед генералом. В конце концов “Общее дело” было Временным правительством запрещено.

25 октября 1917 г. Бурцев выпустил первый и единственный номер газеты “Наше общее дело”. Его передовая статья начиналась словами: “Граждане, спасайте Россию...”. Номер был конфискован — на сей раз по личному распоряжению Л. Д. Троцкого, а Бурцев в тот же день арестован и опять угодил в Трубецкой бастион Петропавловской крепости, в котором он сидел и при Александре III, и при Николае II. Владимир Львович стал первым “политическим”, арестованным новой властью. Министров Временного правительства привезли в крепость уже после него.

В феврале 1918 г. во время неразберихи, вызванной немецким наступлением, Бурцева выпустили. Он бежал в Финляндию, а оттуда в Швецию, где немедленно напечатал открытое письмо “Проклятие вам, большевики!”, в котором повторил свои обвинения, выдвигавшиеся ранее в “Общем деле”. Открытое письмо Бурцева неоднократно переиздавалось в России и за границей.

Затем Бурцев обосновался в Париже, где возобновил издание “Общего дела”. До появления милюковских “Последних новостей” это была крупнейшая газета эмиграции. Как и до революции, Бурцев призывает к единству — на этот раз в борьбе с большевиками. Он осуждает своих прежних друзей-эсеров за раскольнические, по его мнению, действия, призывает сплотиться под знаменем Колчака и Деникина. Бурцев обвинил Антанту в недостаточно активной борьбе с большевиками и считал необходимой немедленную интервенцию всех союзников в Россию “во имя требований демократической, ясно, по-вильсоновски, сформулированной программы”⁴. Он ездил в Россию, встречался с А. И. Деникиным, а позднее — с П. Н. Врангелем, получил от них поддержку, в том числе материальную.

В 1920—1930-е гг. Бурцев не оставляет попыток объединить антисоветскую эмиграцию в рамках Национального комитета, товарищем председателя которого он являлся. Ведя нищенское существование, Бурцев все же пытался издавать “Общее дело”, однако в начале 30-х гг. оно прекращается окончательно. Издает он также ряд публицистических сборников, в основном составленных из его ранних антибольшевистских статей, и несколько любительских историко-литературных работ о Пушкине, Грибоедове, Шекспире. Неудачной оказалась попытка возобновить “Былое” — удалось выпустить лишь два номера в 1933 г., наполовину заполненных бурцевскими воспоминаниями. Кстати, книга воспоминаний Бурцева “Борьба за свободную Россию” (Берлин, 1923), пожалуй, наиболее интересное из опубликованного им в годы третьей эмиграции.

Интересно что политические взгляды Бурцева за десятилетия мало изменились. Выступая на своем 75-летию в присутствии цвета парижской эмиграции — П. Н. Милюкова, М. А. Алданова, М. С. Аджемова, Н. Д. Авксентьева, В. М. Зензинова и др., Владимир Львович сказал: “Часто задают вопрос: кто такой Бурцев? левый? правый? умеренный? и т. д. На этот вопрос можно уверенно ответить определенно: левый, левый, левый! и только левый! Я всегда был определенно демократом, социалистом, республиканцем и по большей части революционером. Но революционером я не был, например, во время Государственной думы, конечно, во время войны и во время Временного правительства, т. е. тогда, когда я надеялся, что можно действовать легальными способами”⁵.

В 30-е гг. Бурцев выступает против нацизма и его неотъемлемой части — антисемитизма. Он участвует в качестве свидетеля в Бернском процессе 1933—1935 гг., на котором была доказана подложность пресловутых “Протоколов сионских мудрецов”, состряпанных в свое время в недрах царской “охранки” и использованных гитлеровцами. Вместе с Бурцевым свидетелями обвинения были П. Н. Милюков, Б. И. Николаевский, С. Г. Сватиков. А в 1938 г. Бурцев издает в Париже книгу “„Протоколы сионских мудрецов” — доказанный подлог” с недвусмысленным подзаголовком “Рачковский сфабриковал „Протоколы сионских мудрецов”, а Гитлер придал им мировую известность”. Неудивительно, что Бурцев стал объектом травли со стороны нацистского ведомства, занимавшегося внешней пропагандой. После захвата нацистами Парижа Бурцева вызывали в гестапо, но, вероятно, в связи с преклонным возрастом отпустили. Умер Бурцев в 1942 г. в парижском госпитале для бедных от заражения крови, не дожив месяца до своего 80-летия.

Огромный архив Бурцева разошелся по различным архивохранилищам. Наиболее значительные его части оказались в Гуверовском институте Стэнфордского университета (США) и в Госархиве Российской Федерации (ГАРФ), некоторые материалы — в ЦГАЛИ и РО ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН. В ГАРФ хранится та часть бурцевских бумаг, которая попала в Россию в составе эмигрантского Русского заграничного исторического архива (Пражский архив) ⁶ после второй мировой войны. Фонд Бурцева в ГАРФ насчитывает свыше 2 тыс. единиц хранения. Среди них — рукописи работ Владимира Львовича, в том числе воспоминаний “Борьба за свободную Россию”, исследования “Протоколы сионских мудрецов...”, десятков статей на политические и исторические темы. Большинство их опубликовано. Значительная часть архива — подготовительные материалы к работам Бурцева: копии документов Департамента полиции, газетные вырезки, анкеты революционеров и т. д. Еще один блок материалов относится к деятельности Бурцева по разоблачению провокаторов — списки провокаторов, материалы, собранные для расследования провокаторской деятельности отдельных лиц. Наибольший интерес, на мой взгляд, представляет переписка Бурцева. Среди сотен его корреспондентов — старые революционеры, политические деятели различных направлений, писатели, историки. Назову лишь некоторые имена: О. В. Аптекман, А. Н. Бах, Г. А. Лопатин, П. А. Кропоткин, С. М. Степняк-Кровчинский, В. Н. Фигнер, Г. В. Плеханов, Ю. О. Мартов, Б. В. Савинков, В. М. Чернов, П. Н. Милюков, Л. Н. Андреев, А. В. Амфитеатров, П. Д. Боборыкин, И. А. Бунин, А. И. Куприн, М. Н. Покровский, С. П. Мельгунов, В. И. Семевский и многие другие.

Ниже публикуется несколько писем из той части архива Бурцева, которая хранится в ГАРФ. Все они относятся к периоду его третьей эмиграции. Для публикации отобраны письма, которые достаточно ярко характеризуют настроения и положение различных слоев эмиграции в разные годы ее существования, дают представление о том, почему в принципе была нереализуема бурцевская идея о единстве эмиграции. Размышления авторов некоторых писем о сущности большевизма, о влиянии революции и гражданской войны на судьбы нашей страны звучат весьма современно и, как представляется, будут интересны не только специалистам, но и широкому читателю. Наконец, корреспонденты Бурцева—люди, оставившие заметный след в российской истории и литературе, и публикуемые письма послужат дополнительным материалом для характеристики их политических взглядов и жизненных обстоятельств.

Многие корреспонденты Бурцева — Л. Н. Андреев, И. А. Бунин, А. И. Деникин, П. Н. Врангель и др. — в специальном представлении не нуждаются. Несколько слов о Е. Д. Кусковой.

Екатерина Дмитриевна Кускова-Прокопович (1869—1958) —единственная из корреспондентов Бурцева, кто покинул Россию не по своей воле. В 1922 г. она была арестована по делу Всероссийского комитета помощи голодающим, приговорена вместе с мужем, С. Н. Прокоповичем, к расстрелу, который был заменен им высылкой за границу. Подробно история высылки членов комитета изложена в статье М. С. Геллера ⁷.

Имя Кусковой стало едва ли не нарицательным и с детства известно каждому школьнику по стихам Маяковского. Редко кого столь часто в негативном плане упоминал В. И. Ленин — начиная с критики им “экономизма” Кусковой и Прокоповича и заканчивая его прямым указанием о разгоне Всероссийского комитета. В результате Кускова не удостоилась даже статьи в Советской Исторической Энциклопедии. Как справедливо заметил М. С. Геллер, биография Кусковой еще ждет историка. Возможно, публикуемое ниже письмо послужит материалом для будущего биографа этой выдающейся личности.

Большинство публикуемых писем — подлинники. Аутентичность двух писем, представленных в архиве Бурцева машинописными копиями (№ 2 и 7), бесспорно подтверждается сопутствующей перепиской. Письма публикуются в хронологическом порядке.

О. В. Будницкий

Примечания

¹ Бурцеву было выдано удостоверение от 18 апреля 1912 г. за подписью В. И. Ленина, в котором говорилось, что “ЦК РСДРП по соглашению с товарищем Бурцевым составил Комиссию по расследованию провокации в рядах РСДРП. Членами этой комиссии являются товарищ Бурцев и товарищи Николай Васильевич и Юрий” (ГАРФ, ф. 5802, оп. 2, д. 378, л. 2). Ф. Э. Дзержинский просил Бурцева через Н. К. Крупскую связать его с известным охранником-“покаянцем” Л. П. Меньшиковым (Там же, д. 802, л. 1).

² Бурцев Вл. Или мы, или немцы и те, кто с ними//Будущее: Сборник статей на злобу дня. [Пг.] 1917. № 3. С. 14, 18.

³ Статья И. В. Сталина “Окружили мя тельцы мнози тучны”, напечатанная в газете “Рабочий путь” 20 октября (2 ноября) 1917 г., цит. по: Горький А. М. Несвоевременные мысли. Paris, 1971. С. 275—276. Нападки Бурцева глубоко задели Горького, тем не менее, когда его оппонент оказался в Петропавловской крепости уже по воле советской власти, писатель выступил в его защиту. Он писал 12 (25) ноября 1917 г. в “Новой жизни”: “Держать в тюрьме старика революционера Бурцева, человека, который нанес монархии немало мощных ударов, держать его в тюрьме только за то, что он увлекается своей ролью ассенизатора политических партий, — это позор для демократии” (Горький М. Несвоевременные мысли. Заметки о революции и культуре. М., 1990, с. 152—153).

⁴ Бурцев Вл. То, что нужно теперь России//Общее дело. 1919. 29 января.

⁵ 75-летие В. Л. Бурцева. На чествовании, устроенном редакцией “Иллюстрированной России”//Иллюстрированная Россия. [Париж] 1937. № 52. С. 7—8.

⁶ О Пражском архиве см.: Павлова Т. Ф. Русский заграничный исторический архив в Праге//Вопросы истории. 1990. № 11.

⁷ Геллер М. С. “Первое предостережение” — удар хлыстом//Вопросы философии. 1990. №9.

№ 1

Л. Н. Андреев — В. Л. Бурцеву

[Нейвала], 9 сентября 1919 г. ¹

Дорогой друг, милый Владимир Львович!

Был я в Гельсингфорсе, видел там Вашего посланца, видел много людей и людишек, много говорил, еще больше слушал — и ожидания мои оправдались: для меня работы в Гельсингфорсе и вообще здесь — нет. В письме я не решаюсь говорить о том, что такое новое С [еверо]-3 [апад] ное правительство, но мое отношение к нему совершенно отрицательное. Самая история возникновения его под грубым давлением извне ², самочинное, вопреки декларации Колчака, признание независимости Эстонии ³, наконец, серенький состав при наличии таких темных пятен, как Н. Иванов ⁴, внушают большие опасения за будущее. Опять-таки не решаюсь говорить о подробностях и развивать мою мысль, но во всяком случае с ними я работать не могу, если бы даже они были способны к работе. Но и этого пока не видится. Между прочим, они предлагали портфель м[ини]стра пропаганды И. Гессену ⁵, но он отказался; меня все гельсингфорские немного боятся, как, вероятно, множество людей дружески боится Вас — Вашей прямоты и яркости. Когда я читаю Ваши великолепные, прямые и честные обличения союзников, я думаю с улыбкой: сколько заячьих сердец с ужасом читают эти строки и шепотом осуждают дерзость неукротимого Бурцева! Антанта нас кормит, Антанта может быть когда-нибудь окажет нам помощь, а он такое говорит почтенной Антанте — даже требует! ⁶ И самое печальное, что я увидел и почувствовал, это жестокая приниженность, почти нищенская поза, в какую охотно становятся многие весьма даже порядочные люди.

А я размышляю о великолепном мавзолее, который будет воздвигнут на могиле нашей дружбы с Антантою. И одним из могильных камней я положил бы слезно-отчаянную мольбу архангельцев, чтобы их не оставляли на смерть и гибель английские войска — и увод английских войск. И обо всем этом я давно написал бы в “Общее дело”, если бы не неисправность почты; а оказии, вроде недавней, редко представляются и всегда неожиданно. Вообще писать отсюда — вещь невозможная.

Таким образом, я окончательно решаю плыть в Америку ⁷, рассылаю письма, телеграммы и запросы. Пока ни [на] одно ответа не имею, но с упованием жду. Пишет мне о какой-то работе

в Лондоне Н. К. Рерих, чудесный человек и мой большой друг, но в чем дело, еще не знаю. Во всяком случае по дороге в Штаты я пробуду некоторое время в Лондоне, а если будет возможность (виза), то приеду в Париж исключительно для беседы с вами и согласования действий.

Очень много хотелось бы сказать Вам, дорогой друг, но всякая цензура действует на меня гнетущим образом. Не зная, можно ли писать то и другое, я впадаю в полное недоумение. Поэтому с особым нетерпением жду минуты, когда так или иначе можно будет побеседовать свободно, без ежеминутных оглядок по сторонам. Думаю, что теперь этой минуты не так долго ждать. Между прочим, надежд на скорое взятие С[анкт]-П[етербурга] у меня нет; конечно, могут быть совершенно неожиданные случайности, но как можно учитывать случайность? Конечно, как двухголовый теленок, как всякий монстр, биологически нелепый, большевизм должен погибнуть, но когда это будет? Приспособляемость человека, особенно российского, чрезвычайно велика, растяжимость его шкуры огромна; сейчас большевики содрали и натянули эту шкуру на барабан, колотят и сзывают зевак и ослов, — но когда барабан лопнет?

А какой вид будет иметь Россия, когда уйдут большевики! Страшно подумать. Больше всего меня страшит страшная убыль в людях. С одной стороны, защищая себя, большевизм съел среди рабочих и демократии все наилучшее, сильнейшее, более других одаренное — это они в первую голову гибли и гибнут на бесчисленных фронтах в бесчисленных сражениях и кровопролитиях. И наоборот: наиболее трусливое, низкое и гнусное остается в ихнем тылу, плодится и множится и заселяет землю — это они палачествуют, крадут, цинически разрушают жизнь в самых основаниях. С другой стороны, нападая, он съел огромное количество образованных людей, умертвил их физически, уничтожил морально своей системой подкупов, прикармливания. В этом смысле Луначарский со своим лисьим хвостом страшнее и хуже всех других Дьяволов из этой свирепой своры. Он трус и чистюля, ему хочется сохранить приличный вид и как можно больше запутать людей, зная, что каждое новое “имя”, каждый профессор, ученый интеллигент или просто порядочный человек соответственно уменьшает его личную ответственность. Если даже Нерона многие одобряют за любовь к искусству, то как же ему, Луначарскому, не создать некоего “золотого века”, рая художников и режиссеров, рая, который так приятно контрастирует с черной чрезвычайкой и придает Л [уначарскому] вид исключительного джентельменства. Светлый луч в темном царстве — так, вероятно, он сам мыслит про себя, ибо кроме всего он человек пошлый и недалекий. (Вы знаете, что они и меня пробовали? — предлагали очень выгодно издать сочинения, утверждая, что “все там” и что мне нет смысла кобениться⁸).

В России и так было безбожно мало интеллигентных, образованных людей — сколько же их осталось теперь? Действительно, страшно вообразить. Вспомнить всех этих бесчисленно расстрелянных офицеров, начальниц гимназий, попов, каких-то гласных, земцев, профессоров и прочих неведомых, их имена Господи веши. А каждый образованный человек — это как дерево, которое требует определенного времени для своего роста; сожгут у меня дачу, я в год выстрою новую, сгорит береза рядом — жди 25 лет! И когда подумать, сколько стоит (буквально) каждый образованный человек, то какой колоссальный капитал потеряла Россия в лице убитых!

Кто же выиграл в результате этого убийственного “отбора”? Черная сотня в широком смысле слова. Хищники и пресмыкающиеся, кусающие и ползающие. Мне думается, в этом кроется отчасти объяснение непонятно долгой “живучести” большевизма. А какая в связи с этой убылью в людях ждет нас реакция? Реакция неизбежная и неустраняемая, ибо она будет иметь почти биологические основания — вырождение народа. Вот все говорят об Уч [редительном] собрании, а кто теперь составит его? чью волю оно выразит? И на что, в конце концов, рассчитывают европейцы, так бесконечно затягивая эту борьбу? И заметили ли европейские социалисты, что наибольший процент гибнущих приходится на долю демократии, а наименьший, ничтожный — на долю мелкой и крупной буржуазии, припасшей капитал, наименее голодавшей и стоявшей в сторонке от непосредственной борьбы? И понимают ли они, что, готовя России эту ужасную реакцию, они сами падут жертвой ее? Чем требовать от Колчака, чтобы он клялся Учредительному, лучше бы сохранить жизнь одному образованному русскому!

Ну, разболтался. Крепко целую Вас и жму руку. По мере моего движения к Америке, буду писать Вам. Кстати, мой новый адрес: Мустамяки, дача Фальковского. Здесь, слишком близко к пограничной полосе, жить затруднительно: аэропланы бросают бомбы и проч [ие] военные неудобства. “Общее дело” всюду, куда даю, вызывает полнейшее сочувствие.

Ваш Леонид Андреев

только что получил Вашу телеграмму. Как видите, Америка! Попробую за эти дни соорудить для “Общего дела” статейку, но не знаю. Не умею маленьких. После написания сего письма, в ночь, был налет аэропланов: чувство довольно сильное. В Ваммельсу, совсем близко от моего дома, сброшено три бомбы⁹.

ГАРФ, ф. 3802, оп. 1, д. 76, л 6—6 об, —Машинопись. Подлинник.

№ 2.

“Записка” А. И. Деникина В. Л. Бурцеву

12 мая 1920 г.¹⁰

В последние дни парижская и лондонская печать, в особенности последняя, полны дифирамбов Польше: ненависть, разжигаемая искусственно против России, считается вполне законной; Польша — “благородная страна, освободившаяся сама (?) от русского ига”; от России Польша отнимает то, что ей принадлежит “по праву”, и т. д. Французские газеты иногда сентиментально считают нынешнее наступление поляков освобождением от большевистского ига...

Полагаю, что “Комитет Освобождения” и “Общее дело” должны начать кампанию для разъяснения сущности польской политики.

Основные положения:

1) Русское правительство добровольно даровало свободу Польше.

2) Польша повторяет наши исторические ошибки в значительно более сильной степени: колонизация и чудовищное преследование православия в занятых русских землях. Густо размазывая историю Варшавской цитадели (10-й павильон), ничего не говорит о Кремле и Гермогене¹¹.

3) Польская печать усиленно проводит циничный взгляд: все внимание на Запад, Восток сгнил и в лучшем случае через несколько лет обратится в множество слабых и враждующих штатов, а потому надо теперь же разрешить на Востоке свои “исторические задачи”...

4) Польское правительство не желало вести освободительные войны совместно с вооруженными силами Ю[га] Р[оссии]. Переговоры затягивались на много месяцев. Стратегические разграничительные линии ими были отвергнуты. Наступление прекратилось тотчас же вслед за взятием нами Киева и возобновилось тотчас же после крушения (временного) южных русских армий.

5) Нынешнее наступление поляков имеет характер совершенно ясно выраженный: не борьба с большевиками, а завоевание, отторжение русских земель, пользуясь временным бессилием русского

народа.

6) При этом повторяется полностью, по договору с Петлюрой, немецкая политика расчленения России.

7) Результаты:

а) Гальванизация большевизма (письмо Брусилова и проч.)¹².

б) Грабеж России.

в) Возбуждение вражды к полякам даже среди элементов расположенных.

По-видимому, некоторые союзники ничего против этого не имеют.

г) Уклон России к союзу с немцами.

8) Польше необходимо стать на правильный путь — не завоевания, а освобождения России совместно с русскими антибольшевистскими силами. Это не услуги, а самострахование. Отнюдь не разрешая ныне вопросов территориальных и границ.

Иначе Польша в ближайшие годы будет раздавлена до основания и, как самостоятельное государство, погибнет навсегда.

ГАРФ, ф. 5802, оп. 1, д. 230, л. 2—3. —Машинопись. Копия.

И. А. Бунин — В. Л. Бурцеву

Париж, 17(30) сентября 1921 г. ¹³

Многоуважаемый Владимир Львович,

я был у Вас четвертого дня, но Вы были заняты с кем-то и я передал то, что хотел сказать Вам, В. В. Топорову ¹⁴. Дело в том, что я в большой нужде и потому прошу Вас чрезвычайно уплачивать мне то, что Вы должны мне, хотя бы по малым частям, хотя бы по 200, по 100 франков в месяц. Такая сумма при большом денежном обороте, который имеет всякая газета не только в месяц, но и в сутки, — совершенный грош — почти 3 франка в день. Ведь как-никак, а газета все же существует и все же кое-что платит прочим сотрудникам, даже и тем, которые не на жалованье, — например Яблоновский ¹⁵, Куприн, — а я почему-то в такой немилости, что мне даже отказали в печатании моего объявления о моей книге, каковое я просил ставить в счет уплаты долга мне: поставили раз — и конец, меж тем как в газете идут буквально круглый год, буквально каждый день большие бесплатные объявления даже тех, кто совсем чужой газете.

В надежде, что Вы помните о моей просьбе,
С совершенным почтением

Ив. Бунин *ГАРФ, ф. 5802, оп. 1, д. 151, л. 1—1 об.* —

Автограф.

№ 4 П. Н. Врангель — В. Л. Бурцеву

Сремски Карловцы, 27 июня 1922 г.

Глубокоуважаемый Владимир Львович,

сегодня в Белграде получен № 565 “Общего дела”. Ознакомившись с ним, я спешу горячо поблагодарить Вас за нравственную поддержку Армии и неизменную защиту ее интересов.

“Общее дело” осталось верным своим боевым лозунгам и по-прежнему является доблестным авангардом антибольшевистской печати.

Оно не устает смело и громко изобличать большевиков и иже с ними и призывать эмигрантские круги к единению в общей борьбе с врагом Родины.

Не могу, однако, не остановиться на некотором недоумении, вызываемом Вашей передовицей “Все — против большевиков”.

Призывая всех на борьбу с большевиками Вы пишете: “Нам нужен один антибольшевистский фронт от левых демократов до Национального комитета”.

Таким образом, Вы оставляете в стороне монархистов, между тем как они, несмотря на отличие их политической идеологии от указанных группировок, являются несомненно элементами антибольшевистскими.

Предложенный Вами единый фронт, не обнимая собой все зарубежные антибольшевистские силы, естественно, рождает наряду с ним другой антибольшевистский фронт — от Национального комитета до правых монархистов.

Получается вместо желаемого объединения вредящее делу разъединение.

Мне думается, мы должны всемерно стремиться к действительно общему сплочению, и это не так уж безнадежно.

Объединения, имевшие ныне место в Константинополе, Белграде и Финляндии, тому пример.

Хочу думать, что в конце концов к этому придет и Париж.

Единодушный протест русской прессы и русской общественности побудил наконец болгарское правительство, хранившее до сих пор упорное молчание, к официальным разъяснениям.

В номере “Le Temps” от 21-го июня появилось официальное сообщение Бюро болгарской прессы. “La question de L’armee Wrangel”, исполненное от начала до конца сознательной намеренной лжи ¹⁶.

Необходимо выступить с энергичным опровержением и требовать представления доказательств и всестороннего расследования, которого, пока безуспешно, домогались я в письме моем к Председателю Совета министров, русские общественные организации и часть русской прессы.

Прошу Вас принять уверения в истинном моем уважении и преданности.

[Подпись] *ГАРФ, ф. 5802, оп. 1, д. 178, л. 14—14 об. —Машинопись.*

Подлинник.

№ 5 А. И. Деникин — В. Л. Бурцеву

Брюссель, 11 декабря 1925 г.

Многоуважаемый Владимир Львович!

В январе перешлю газеты по адресу, который Вы укажете¹⁷.

Относительно разлада среди русской зарубежной интеллигенции так было и так, вероятно, будет и впредь. Мне этот вопрос знаком близко: за время 1—1/2 годового правления я наблюдал множество попыток к объединению на почве “реальной национальной политики”, и все они кончались ничем. Не было искренности или катехизис мешал.

Одно из двух: либо мы недозрели, либо время еще не пришло.

С удовольствием повидаюсь и побеседую с Вами, когда судьба приведет встретиться. Только поднимаюсь я с места очень редко.

Уважающий Вас А. Деникин *ГАРФ, ф. 5802, оп. 1, д.*

230, л. 11. —Автограф.

№ 6 Е. Д. Кускова — В. Л. Бурцеву

Прага, 29 сентября 1936 г.

Дорогой Злец, Владимир Львович!

Я бы тоже хотела с Вами здорово поругаться (на почве: “я — революционер...”). Но в то же время совместно вспомнить — без ругни, а с горячим сердцем — старое... Старое... Вас. Дорогого мне Василия Яковлевича]...¹⁸. И те времена, те времена, которые к большевизму привели непосредственно и прямой дорогой. Нет, дорогой Злец, нам с С[ергеем] Н [иколаевичем]¹⁹ не место в Национ[альном] комитете. Хотите знать интимную (только нашу причину)? сторону дела?²⁰ Да Вы, как исследователь русской революции, должны бы и могли бы ее знать. Вот в чем она состоит. С самых юных лет и он, и я (14-ти лет — в Саратове) попали в левые революционные кружки. И с этих же лет стали с ними, с революционерами, бороться там, внутри их гнезд. Не знаю, кто в нас с С[ергеем] Н [иколаевичем] всадил внутреннюю культуру. У него она еще понятна: сын очень умной, очень культурной матери. А я, я росла беспризорная, в больших тяжестях жизни из-за семейной трагедии матери и отца (отец застрелился). Но — оба мы были влюблены в культуру, в знание, в честность познания, в мораль и в прочие глупости, с теперешней точки зрения. И вот с этой-то вышки культуры, на кот[орой] мы себя мнили, нам обоим революционная среда была глубоко противна. Ложь, провокация, цель оправдывает средства, и — оазисы (только оазисы) настоящего геройства. Мы ведь лично и глубоко, и хорошо знали многих революционеров. Очень хорошо знали Плеханова, Чернова и прочих столпов двух основных русских направлений. Прочтите переписку Плеханова... И Вы поймете, почему мы выскочили оттуда, как ошпаренные. Не вскочили и в другое направление. Там, по-моему, было еще хуже. Так и жили, неприкаянные, до Союза Освобождения. Здесь среда была иная: можно было “делать революционное дело”, не боясь продать черту душу, т. е. замараться какой-либо грязью от “партийной диктатуры”. Это было единственное

светлое пятно в нашей политической карьере: работали, как Вы знаете, вовсю. В то же время, по своей жизни, мы хорошо знали политическую жизнь, психологию этого класса даже в его высоких этажах, в [конституционно]-[демократической] партии. Знали и русскую буржуазию. Пришли к выводу: эта среда нам чужда по духу, по целям, по навыкам, по непониманию истинных задач демократии. От этого пришли к другому решению: среда революционеров нам неизмеримо ближе, несмотря на все ее отрицательные стороны. Если демосу русскому суждено подняться и привести Россию к демократии, то эта среда сделает это, а не иная. Пройдет она через грязь и через кровь. Но ведь и революционеры подполья проходили через это: таков удел. Но мы все же останемся до конца жизни демократами и с демократией. Это определило нашу позицию по отношению к белому движению и к тому, что мы остались в России, не сгибая голов, каждую минуту эти головы риска потерять. О грязи их поведения, совершенно не стесняясь, говорили и Менжинскому, и Каменеву и другим [большеви]кам того времени. Отказались разговаривать (как кооператоры) с Лениным, когда он в 1921 г. хотел устроить банкет со старыми общественными деятелями. Просили (жив В. М. Свердлов, через кот[орого] шли переговоры) передать ему: банкеты мы будем совместно устраивать тогда, когда выйдем из состояния рабов, рот которых завязан и кот[орые] чувствуют себя пленниками диктатуры, т. е. когда рядом с нэпом будут возвращены русскому народу свободы.

Да многое можно было бы рассказать из этого кошмарного периода. Да вот нет времени писать воспоминания. Одним словом: мы не приемлем эмиграционной среды, за исключением крошечных участков она сплошь реакционна и сплошь мечтает о реставрации. Пример — П. Б. Струве, когда-то бывший нашим другом, а теперь готовый идти с немцами и японцами на Россию. А мы — душою с Россией, ею живем и в ней ищем самоочищения. Ибо глубоко верим, что зараза большевизма сидела в самом народе, а не только в его вождях. Глубоко также верим, что он самоочистится, уже очищается, и сделает это глубже, прочнее, вернее — без помощи Наций [альных] комитетов и в особенности “национально-фашистских” спасителей. А ведь что греха таить: фашизму сочувствует большинство “национально-мыслящих”. С ними нам не по пути. Останемся с демосом, хорошо видя все его гнойники, отвратительные язвы. Но — с ним. И если будет малейший просвет, малейшая возможность работы там, работы нашей всегдашней — культурной, государственной, кооперативной — мы будем там. И на белом коне въехать туда не мечтаем. Мы — стары. Можем умереть тут, все же революцию не проклиная: есть ведь “лучшие люди” (“я — революционер”), [которые] шли к ней, хотели ее, звали ее и ждали ее. Она и пришла — в образе диком, иной и быть не могла. Но мы уж будем с ней... Сами ведь немало потрудились для нее и отречься от нее не хотим и не можем: окопавшись все время то в подполье, то около подполья, знали его хорошо, знали, куда шли, знали и то, что победа его сразу счастья России не принесет. Народу нужно было по всему ходу вещей и по преступности самодержавия через этот ад пройти и... все познать опытом, очиститься для новой жизни. В эту новую жизнь верю, если подлецы из “Mein Kampf” не схватят за горло выздоравливающего. А если схватят — поступим так же, как когда-то поступили Вы, и иначе поступить не можем.

Вот Вам краткая исповедь и отчет в нашем “большевизанстве”. Поверьте, его грязь ненавидим не меньше, чем Вы. Но... Не верим, чтобы отмыть ее могли слезливые прачки из “Наций[альных] союзов и комитетов”: не те руки.

Все. С Россией поддерживаем крепкие связи. Еще кое-кто жив там и верит так же, как и мы, в воскресение, в спадение чешуи большевизма.

Недавно узнала, что обширный архив Вас[илия] Як[овлевича] “приобретен” Музеем революции, где работает Бонч-Бруевич. Не думаю, что это тот архив (небольшой), кот[орый] оставался у Эмил[ии] Венц[еславовны] ²¹. Очевидно, это архив, кот[орый] В[асилий] Я[ковлевич] когда-то передал покойному Срезневскому ²². Как Вы думаете? Эмил[ия] Венц[еславовна] написала воспоминания о своем муже. Вряд ли они могут быть сейчас изданы. Сама она живет в Ленинграде и завалена работой: дает уроки английского языка отдельным лицам и группам рабочих, кот[орые] азартно учатся языкам. Этой работой она очень довольна. Душой же живет, посещая Волкове кладбище, — душа ее прекрасная, детская — там.

С[ергей] Н[иколаевич] написал огромную книгу о хозяйстве России с критикой политико-экономических доктрин коммунизма. 45 печ [атных] листов. Ее должен был издать здешний Славянский институт. Теперь этого — к горю нашему — сделать нельзя: страна маленькая и соротиться с “Вели-

кой Россией” — не желает...²³ Французы и англичане тоже предпочитают издавать Веббов, а не критику.

Будьте здоровы, очень благодарю за письмо, за привет!
С[ергей] Н[иколаевич] шлет Вам лучшие пожелания.
Крепко жму Вашу руку.

Пред[анная] Вам Ек[атерина] Прокоп [ович]

Можно же ставить такую печать, на кот[орой] немисливо прочесть адрес!! 18 или 13? Читаю по догадке.

Г АРФ, ф. 5802, оп. 1, д. 356. —Автограф.

№ 7 В. Л. Бурцев — А. И. Деникину

Париж, 25 февраля 1938 г.

Глубокоуважаемый Антон Иванович!

Посылаю Вам только что вышедшую мою книжку о “Сионских протоколах”²⁴. Знаю, что Вы от эмигранта антибольшевика ждете издания на другие темы. За эти последние годы я несколько раз подготавливал полностью номера “Общего дела” и “Ла Коз Коммюн”²⁵ на жгучие современные темы, но ни разу не удавалось мне довести дело до конца. Начатые номера не были изданы. Материалы старели. С течением времени начиналась новая попытка издать что-нибудь на современные темы и не удавалась. Идти на какие-нибудь компромиссы направо или налево не могу: шея не гнется. А было что сказать по страшным совершавшимся событиям. Вот и теперь я накануне новой попытки. Не знаю, смогу ли довести ее до желанного конца. Мы живем в нелепое время. Из рук валятся самые блестящие идеи. Приходится молчать, когда камни вопиют. Но зато, если мне в ближайшее время удастся выпустить несколько номеров, это будут пламенные номера.

Что касается страшного вопроса русской жизни — еврейского — и страшного и в то же время глупейшего вопроса о “Протоколах”, то Вы, быть может, не согласитесь со мной, если не по тем выводам, к которым я прихожу, то по значительности этого вопроса и в прошлом и в настоящем времени.

Я убежден, что еврейский вопрос, неправильно поставленный, нанес освободительному антибольшевистскому движению страшный вред. Глупые “Протоколы”, несмотря на свою ничтожность, и в России в Добровольческий период нашей борьбы с большевиками, и [в] Германии, как и в других странах, играли и играют огромную роль. С ними нужна упорная борьба. Вот к атому сводится смысл издания моей книги. Нам прежде всего надо отмежеваться от какой бы то ни было ответственности за них. О прошлом надо сказать правду о том, какое было у нас отношение к “Протоколам”²⁶. А для настоящего времени надо ярко высказать свое отношение к ним как к преступному явлению. Я так жалею, что ген[ерал] Глобачев, сказав правду об отношении Николая II к “Протоколам”, старается отказать от своих слов²⁷. Но я сумею уличить его в том, что он один из укрывателей подлога. Я охотно процитировал в своей книге все, что говорилось раньше о борьбе с “Протоколами”, а также охотно оборвал нелепости антисемитов. Надо нам избавиться от этих кандалов. Ими пользуются большевики для борьбы с нами и в России, и за границей.

Я очень жалею, что в моей книге мог сказать недостаточно много о борьбе антибольшевиков с антисемитами и с их “Протоколами”. Я обращался с этой просьбой всюду, куда мог.

В настоящее время я подготавливаю перевод моей книги о “Протоколах” на иностранные языки. В этих изданиях для каждого языка в отдельности я смогу добавить в эти издания все, что будет мне прислано ценного. С этой просьбой я прежде всего обращаюсь к Вам, а через Вас ко всем, кто бы мне мог помочь пополнить новое издание моей книги, на иностранных языках.

Я очень рад, что смог сначала выпустить русский текст своей книги, прежде чем буду беседовать с иностранными читателями.

Поблагодарю Вас за те теплые слова, которые Вы сказали в Вашей последней речи о моем отношении к разоблачениям провокаторов за границей. Могу Вам констатировать печальный факт.

Со времени последнего номера “Общего дела” и со времени моей брошюры “Боритесь с ГПУ!”²⁸ я не встретил никого, кто бы помог мне в этом деле, хотя бы в денежном отношении. А, между прочим, по этому вопросу надо бить в набат и на русском, и на иностранных языках. Нужно этому вопросу уделять столько же места, сколько уделяло “Общее дело” и “Ла Коз Коммюн”.

Посмотрите, что делается во Франции по делу Миллера. Кому следует из властей я доставил блестящие сведения: о непосредственных участниках похищения Миллера, большевиках Белецком, Г. (который сбежал), спокойно живущем здесь Любарском, затем о тех, кто служит орудием у большевиков, как Завадские и его целая организация, Савин (только что сегодня мне сказали, что он сбежал в Италию), Ларин (бывший дроздовец, глава возвращенцев), глава бельгийского ГПУ Григорьев, работающий и в Париже среди русских, известный всем писатель Крымов, миллионер, нажившийся на связях с большевиками, кто тесно связан был с Алексеем Толстым²⁹, когда тот подготавливал похищение Куприна или сманивал в Россию французского писателя Жиды, и т. д. Все эти темы требуют не только опубликования, но многократных повторений и смелых формулировок. Надо, чтобы наш негодующий протест слышали не только русские, но и французы, и весь мир. И вот для этой задачи я не могу найти людей, которые помогли хотя бы в денежном отношении. А для этого, конечно, мало тех грошей, которые с невероятными затруднениями я добываю на некоторые мои издания.

Нужен боевой Национальный комитет, властный, сильный комитет, а не такой, одним из товарищей председателя коего являюсь я.

Когда же будет этот комитет?

Когда же будет положено хоть начало образованию такого комитета? Чтобы Вам была ясна моя мысль, я еще раз пошлю Вам некоторые мои издания.

Политическое положение ужасное. Но начать настоящую нужную борьбу с большевиками мы можем в любое время, когда этого мы захотим.

Итак, нужно, чтоб мы захотели как следует бороться с большевиками.

ГАРФ, ф. 5802, оп. 1, д. 230, л. 26—27 об. — Машинопись. Копия.

Примечания

¹ 12 сентября Андреев умер. Таким образом, это письмо стало его своеобразным политическим завещанием. Под названием “Заветы Леонида Андреева” отрывок из письма был опубликован Бурцевым в № 59 “Общего дела” за 1919 г.

² Северо-Западное правительство (“Правительство Русской Северо-Западной области”) создано при П. П. Юдениче в Ревеле (ныне Таллинн) 11 августа 1919 г. по инициативе члена Союзной военной миссии в Прибалтике генерала Ф. Марша. Прекратило свое существование в декабре 1919 г., после провала похода Юденича на Петроград.

³ В “Предварительном заявлении”, составленном Маршем, Северо-Западное правительство признало независимость Эстонии. Под декларацией Колчака, вероятно, имеется в виду его ответ на союзническую ноту, полученный в Париже 9 июня 1919 г., в котором Колчак подтверждал независимость Польши, обещал обеспечить независимость Финляндии “во внутренних вопросах” и соглашался “подготовить решения” о судьбе прибалтийских государств.

⁴ В состав Северо-Западного правительства входили представители различных партий — от кадетов до меньшевиков.

Иванов Николай Никитич — до революции петербургский присяжный поверенный, коммерсант — владелец “Банкирского дома Н. Иванов и К^о”, сотрудничал в суворинском “Вечернем времени”. Ходили слухи о его связях с Распутиным. В эмиграции основал “Народную практическую партию”, был выбран в Ревеле российским консулом. Считал необходимым немедленное признание независимости Эстонии.

⁵ Гессен Иосиф Владимирович (1865—1943) — до революции редактор “Права” и “Речи”, депутат Государственной думы, член ЦК партии кадетов.

⁶ Бурцев, как и Андреев, призывал союзников к интервенции в Россию, обвинял их в пассивности. Андреев писал в начале 1919 г.: “То, что ныне по отношению к истерзанной России совершают правительства союзников, есть либо предательство, либо безумие” (Андреев Леонид. S. O. S. Гельсингфорс, 1919. С. 3).

⁷ Андреев собирался совершить пропагандистские турне по США, с тем чтобы подтолкнуть американцев к более активному вмешательству в русские дела.

⁸ Андреев говорил М. К. Иорданской, что к нему приезжали З. И. Гржебин и А. Н. Тихонов от имени А. М. Горького, предлагали купить сочинения Андреева для своего издательства за 2 млн. руб. (Иорданская Мария. Эмиграция и смерть Леонида Андреева. [Б. м. и г.] С. 54).

⁹ Последний абзац — приписка на полях черными чернилами рукой Л. Н. Андреева.

¹⁰ К моменту составления “Записки” Деникин уже почти два месяца был частным лицом и “простым” эмигрантом. Однако его влияние на эмигрантские круги было еще велико.

¹¹ В 10-м павильоне Варшавской цитадели содержались во времена самодержавия политзаключенные, в том числе приговоренные к смерти.

Гермоген — патриарх Русской православной церкви в 1606—1612 г., в период польской оккупации Москвы, занял патриотическую позицию. Интервенты уморили его голодом в тюрьме.

¹² Письмо А. А. Брусилова на имя начальника Всероссийского Главного штаба Н. И. Раттеля, в котором он предлагал собрать Совещание при главкоме из людей “боевого и жизненного опыта”, чтобы “обсудить дело снабжения войск”. Приказ об образовании Особого совещания под председательством Брусилова был опубликован в “Правде” 5 мая 1920 г.

¹³ Сотрудничество в “Общем деле” И. А. Бунина, как и других известных писателей — Л. Н. Андреева, А. И. Куприна, А. Н. Толстого, объяснялось прежде всего тем, что бурцевское издание вплоть до начала 20-х гг. было единственной крупной эмигрантской газетой. Близки были и политические позиции Бурцева и Бунина. Их подписи стоят под обращением группы видных эмигрантов от 27 января 1921 г., в котором ставилась задача объединения всех антибольшевистских сил зарубежья на широкой демократической основе. Однако публикуемое письмо представляет интерес прежде всего с бытовой стороны. Тяжела же была жизнь классика русской литературы, если гордый Иван Алексеевич пытался хоть что-то получить с не менее гордого, но еще более нищего Владимира Львовича.

¹⁴ В. В. Виктор (Топоров) — до революции корреспондент “Речи”, сотрудник “Общего дела”.

¹⁵ Яблоновский Александр Александрович (1870—1934) — критик и фельетонист, в эмигрантской литературе считался “королем шуток”.

¹⁶ Врангелевские части, расквартированные в Болгарии, превосходили ее вооруженные силы по численности, которые, по Нейскому миру 1919 г., не должны были превышать 6, 5 тыс. человек. Вмешательство врангелевцев во внутренние дела Болгарии вызвало острую реакцию ее правительства, вплоть до высылки видных белоохранителей. Опасения болгарских властей оказались вполне обоснованными — год спустя врангелевцы приняли участие в перевороте 9 июня 1923 г., когда было свергнуто правительство А. Стамболийского.

¹⁷ Речь идет о газетах, выходивших на юге России в период гражданской войны. Они потребовались Деникину во время работы над “Очерками русской смуты” и, конечно, нашлись в необъятном бурцевском архиве.

¹⁸ Василий Яковлевич Яковлев-Богучарский (1861—1915) — историк революционного движения и публицист, редактировал вместе с Бурцевым и П. Е. Щеголевым “Былое” в 1906—1907 гг. По своим взглядам был близок Кусковой.

¹⁹ Сергей Николаевич Прокопович (1871 —1955) — муж Е. Д. Кусковой, общественный деятель, экономист и публицист.

²⁰ Так в тексте.

²¹ Эмилия Венцеславовна Яковлева-Покорни — вдова В. Я. Богучарского.

²² Срезневский Всеволод Измаилович (1867—1936) — историк литературы, библиограф, член-корреспондент Академии наук. Печатался в “Былом”.

²³ Вероятно, имеется в виду работа С. П. Прокоповича “Народное хозяйство СССР”, опубликованная в Нью-Йорке в 1952 г.

²⁴ Бурцев В. Л. “Протоколы сионских мудрецов” — доказанный подлог. Paris, 1938.

²⁵ Некоторые номера “Общего дела” выходили параллельно на французском языке.

²⁶ “Протоколы сионских мудрецов” были переизданы в Москве в 1918 г., затем прибывшие на юг московские антисемиты присяжный поверенный А. Н. Варламов, протоиерей Восторгов и др. перепечатали их в Таганроге. Хотя А. И. Деникин относился к антисемитской пропаганде отрицательно и московские антисемиты не встретили официальной поддержки, “Протоколы” распространялись, а в деятельности деникинского “Освага” (“Осведомительного агентства”) антисемиты сыграли видную роль. Позднее крупный донской предприниматель и общественный деятель Н. Е. Парамонов, а прошлым издатель “Былого”, возглавивший по поручению Деникина “Отдел пропаганды”, попытался удалить из него бывших сотрудников “Освага”, но через несколько недель сам был вынужден уйти. (См. подробнее: Бурцев В. Л. “Протоколы сионских мудрецов” — доказанный подлог. С. 88—89.)

²⁷ Генерал К. Н. Глобачев, в прошлом начальник Петербургского охранного отделения, через посредника информировал Бурцева об отношении Николая II к “Протоколам”. Николай сначала поверил в их подлинность, однако, когда деятели “Союза русского народа” обратились в МВД за разрешением использовать “Протоколы” для антисемитской пропаганды, П. А. Столыпин все же приказал двум жандармским офицерам (Васильеву и Мартынову) провести расследование об их происхождении. Дознание установило подложность “Протоколов” и имена авторов подделки. На докладе черносотенцев о возможности, несмотря на это, использовать “Протоколы”, Николай II якобы писал: “Протоколы изъять. Нельзя чистое дело защищать грязными способами”.

Впоследствии Глобачев напечатал в газете “Возрождение” письмо, в котором в уклончивых выражениях заявил, что никакому агенту сведений об отношении Николая II к “Протоколам” не давал. Бурцев полагал, что Глобачева подтолкнул к публикации письма его брат, сторонник нацистов, обосновавшийся в Берлине (см.: Бурцев В. Л. Протоколы сионских мудрецов... С. 106, 138).

²⁸ Бурцев В. Л. Боритесь с ГПУ! Париж, 1932.

²⁹ Крымов Владимир Пименович (1878—1968) — писатель, автор романов “За миллионами” (Т. 1—3. Берлин, 1933), “Похождения графа Азара” (Париж, 1938) и др. Приятельствовал с А. Н. Толстым и оставил о нем интересные воспоминания “А. Н. Толстой без ретуши” (Мосты. 121

1962. № 7). Насколько Крымов, как и другие упомянутые Бурцевым лица, были причастны к похищению генерала Миллера, установить не удалось. Борьба Бурцева против советской разведки оказалась значительно менее успешной, чем против “охранки”. Интересное объяснение этому дала Е. Д. Кускова в письме Бурцеву от 10 августа 1938 г.: “... Когда я задавала Вам вопрос, почему так неуспешна деятельность Ваша теперь, когда кругом нас кишат большевистские агенты и в образе гораздо более страшном (часто убийцы и похитители), Вы мне ответили не совсем удовлетворительно. А ведь суть-то была в том, что наш эмигрантский следопыт работал тогда в союзе с предававшими самодержавие чиновниками. Чиновники большевизма строй не предают или боятся его предавать...” (ГАРФ, ф. 5802, оп. 1, д. 356, л. 27). В то же время справедливо ради надо отметить, что Бурцев правильно указывал, что знаменитый “Трест” “проеден” провокацией, а трамплином, при помощи которого провокация перекинулась в эмиграцию, была организация евразийцев.